

Столетие Юрия Домбровского

Столетие Юрия Домбровского

Столетием со дня рождения писателя Юрия Домбровского — автора произведений, каждое из которых становилось крупным событием в отечественной литературе, отмечен 2009 год. На пороге нового 2010 года вышел в свет и в последние предновогодние дни поступил в продажу двухтомник Юрия Домбровского “Избранное” (издательство “Книжный клуб 36,6”). Книги прекрасно изданы: твердый переплет, строгий элегантный дизайн, хорошая бумага.

Открывается издание статьей Дмитрия Быкова с подзаголовком “Факультет прекрасных вещей Юрия Домбровского”. Домбровского автор называет одним “из самых сильных прозаиков XX века, что по нашим, что по западным меркам... “Факультет ненужных вещей” печатался во время перестройки одновременно с “Жизнью и судьбой”, “Доктором Живаго”, “Колымскими рассказами” — и не только не терялся на этом фоне, но во многих отношениях выигрывал... Стихи Домбровского, немногочисленные... и крайне редко издаваемые, заставляют говорить о нем как об оригинальнейшем поэте, сочетающем балладный нарратив с отважным метафорическим мышлением... Публицистика его, филологические изыскания и рецензии написаны увлекательно и уважительно, что опять-таки в нашей традиции почти несочетаемо. При этом он был силач, женолоб, алкоголик, человек большой доброжелательности и внутренней свободы. В общем, у него как-то все очень хорошо. Я назвал бы его — наряду с еще двумя-тремя авторами — своим идеалом писателя и человека”.

В первый том издания включены роман “Обезьяна приходит за своим черепом”, “Смуглая леди” и рассказы. Во втором томе напечатаны два романа — “Хранитель древностей” и “Факультет ненужных вещей”.

Выходу двухтомника “Избранного” Юрия Домбровского был посвящен вечер памяти писателя, проведенный в гостиной Центрального дома литераторов Клубом книголюбов при ЦДЛ. Открыл вечер и выступил первым председателем Клуба литературный критик Андрей Турков.

— Мы вспоминаем сегодня одного из удивительных писателей минувшего труднейшего XX века. Роман Юрия Домбровского “Хранитель древностей” начинается одой необычайному городу, куда его сослали из такого обжитого, дорогого ему мира арбатских переулков. Но он сумел обжить и этот мир. Алма-Ата, конечно, город необычайный, но мне кажется, что, куда бы ни занесла судьба Юрия Осиповича, он радостно поражался бы “поющему мирозданию”, о котором постоянно говорится в его стихах.

“Умер художник, начинают жить его картины... Творения живут по иным законам, чем их создатели”, — пишет Домбровский. И вот мы смотрим уже сколько лет после смерти Юрия Осиповича и видим: живут его творения, живут, спорят, бунтуют, подобно своему вояке-творцу. Он победительно верил: не такие уж мы калеки, что не преодолеем те канавки, которые жизнь вырыла нам на пути. Я думаю, что он преодолел те канавки, те канавы, те волчьи ямы, те пропасти...

Поэт Бахыт Кенжеев прислал из Нью-Йорка письмо, посвященное творчеству Юрия Домбровского:

“Я впервые прочел “Хранителя древностей” лет в двадцать. Помню чувство потрясения от великолепного стиля этой прозы, которая только притворялась скромной. А еще от необыкновенно точного изображения той страшной эпохи. “Факультет ненужных вещей” в то время не был издан, а потом ко мне в руки попало запрещенное зарубежное издание. Уже с первого прочтения стало ясно, что и эта книга навсегда. Не только как памятник литературы, но и, подобно “Капитанской дочке”, как памятник любви и человеческому мужеству перед лицом той страшной комедии, которую переживала тогда наша родина. Прошло тридцать с лишним лет, но это чувство только укрепилось. Книги Юрия Домбровского занимают почетное место в моей небольшой библиотеке, они источник красоты и благородства, они вошли в лучшее, что было написано на русском языке в XX веке. Мне, казаху, чрезвычайно приятен тот полный любви портрет замечательного города Алма-Аты, созданный этим художником”.

Историк литературы и писатель Мариэтта Чудакова познакомилась с Домбровским в 1965 году в Доме творчества писателей “Голицыно”. Она записывала в своем дневнике, о чем они говорили. “Он оценивал в разговорах текущую литературу всегда с некоторым захватом пространства вокруг самого литературного текста”. “Он инфантилен в том смысле, что переменчив: заражается какими-то наносными мыслями, как голландская печка — вот только что была горячая, и уже остыла, топливо ушло”. “К Солженицыну Домбровский относился страстно, с уважением, но ругал его за то, что обо всем хочет написать, что в романе слишком много героев”. “Нет, роман (по мнению его автора. — Ж.М.) предполагает фокусировку. Панорама — это хорошо в балагане. И потом, его же ведет материал, он все это видел и пишет не из себя, а отталкиваясь от виденного, и теряет контроль над материалом”. Сам Домбровский, имея не меньше виденного в запасе, писал, пожалуй, более из себя, — считает Мариэтта Омаровна. — То есть анализ, осознание были для него первостепенны.

Прижизненно с признанием Юрию Осиповичу исторически не очень повезло, потому что первая его книга “Обезьяна приходит за своим черепом” вышла слишком рано, а вторая — “Хранитель древностей” — несколько позже, чем было бы хорошо для его заслуженной славы. Я долго размышляла и не могла понять, как он прошел фактически незамеченным. И остается признать, что общество еще не было готово воспринимать сильные факты — общественные, литературные. Мы просто не созрели: три года всего прошло после смерти Сталина, мы представляли собой еще нечто аморфное. Ясно совершенно, что он говорил не только о Гитлере, а о том, что делает тоталитарный режим с душой, сознанием человека...”.

М. Чудакова спрашивала Юрия Осиповича о роли самиздата — это уже 1974 год — и услышала: “Ну, что ж, удерживает все же от репрессий. И потом: книга выходит там, значит, не погибает. А что у нас погибло? Роман Бабея — он писал его много лет и никому не показывал, прекрасный роман Виктора Кина о начале войны 1914 года, печатались кусочки. Кин вообще из первой пятерки тех лет. Работа Вавилова о гомологических рядах... Мы разговаривали о Чехове, Тургеневе, много говорили о Пилате, об Иуде, о Булгакове...”.

Нам с моим мужем Александром Павловичем Чудаковым очень повезло — мы знали замечательных людей, но Юрий Осипович возвышается над всеми...”.

На издание двухтомника Юрия Домбровского откликнулись казахстанцы. Домбровский провел в Алма-Ате многие годы ссылки, и этим городом проникнуто его творчество.

— Только в общем контексте казахстанской культуры мы можем понять такое явление, как Юрий Домбровский, — сказал в своем выступлении советник по культуре посольства Казахстана в Российской Федерации Талгат Урекенов. — Мне почему-то очень многое в

его прозе напоминает Михаила Афанасьевича, потому что речь идет о мастере и, может быть, то описание Москвы, которое оставил Булгаков, и то описание Алма-Аты, которое оставил Домбровский, во многом сходны по своей художественной силе, образности... Люди в его произведениях взялись не из воздуха, это те люди, которые жили в Алма-Ате, составляли ее быт, ее культурную среду...

Вдова Юрия Домбровского Клара Турумова-Домбровская благодарна казахстанским почитателям за память о нем:

— Мне прислали из Алма-Аты фотографии памятной доски, установленной на доме, в котором совсем недолго жил Юрий Осипович. И фильм сделали, где звучит его голос. А в Москве, к сожалению, пока все раскачиваются. В Амстердаме издали монографию, посвященную творчеству и жизненному пути Домбровского. Дойдет ли дело до монографии на его родине?

Литератор Эльвина Мороз:

— Домбровский и при жизни был человек-фейерверк, человек-миф, и вся его жизнь, его поступки сегодня кажутся нереалистичными: писать матери из лагеря письма на латыни и там же изучить английский язык; держать двери дома открытыми для всех, не деля людей на своих и чужих — даже зная, чем это может для него закончиться. Главными чертами Домбровского были абсолютное бесстрашие и внутренняя свобода.